

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-59
EDN KPEIQM

Культурная символика образа петуха в русской и китайской поэзии

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин.

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий, г. Ярославль

¹e71mih@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа петуха в китайской и русской поэзии. Петух рассматривается как семиотический код во многих мировых культурах, один из важнейших орнитоморфных архетипов, позволяющих исследовать как закономерности исторического и культурного развития, так и уникальную специфику индивидуально-авторских художественных миров. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох (Вэнь Тинъюнь, Янь Чжэньцин, Цао Чжи, Ван Аньши, Чжан Цзисянь, Чэнь Цзи, В. Гиляровский, А. Блок, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, О. Мандельштам, С. Есенин, Э. Багрицкий, Д. Хармс, Г. Сапгир, В. Берестов, А. Барто, Э. Мошковская, В. Соснора) анализируются различные вариации по актуализации архетипических значений образа петуха в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов; выявляются как универсальные символические коннотации образа петуха, изоморфные для русской и китайской культуры, так и различия принципов художественной репрезентации образа петуха в двух разных культурах. В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных и историко-мифологических реалий. В статье делается вывод, что образ петуха в русской и китайской поэзии несмотря на географическую и культурную дистанцию, обнаруживает удивительное переплетение смыслов, художественная природа образа сложна и разнопланова, этот герой предстает в различных, подчас противоречивых ипостасях – мудреца, хранителя, ментора, демона, стража и т. д., становясь многогранным архетипом, отражающим глубинные представления человека о мире и его устройстве.

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2025

Ключевые слова: символ; мифология; мифопоэтика; образ петуха; орнитоморфный архетип; русская поэзия; китайская поэзия; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа петуха в русской и китайской поэзии // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 59–83. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-59>. <https://elibrary.ru/KPEIQM>.

PHILOLOGY

Original article

Cultural symbolism of the rooster in russian and chinese poetry

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philology, professor at the Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

²Teacher of the Russian language and literature, Yaroslavl College of management and professional technologies, Yaroslavl, Russia

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The article analyzes the symbolic potential of the rooster image in Chinese and Russian poetry. The rooster is considered as a semiotic code in many world cultures, as one of the most important ornithomorphic archetypes, which makes it possible to study both the regularities of historical and cultural evolution and the unique specificity of writers' artistic worlds. The works by the following Chinese and Russian poets of different epochs are analyzed in the study: Wen Tingyun, Yan Zhenqin, Cao Zhi, Wang Anshi, Zhang Jixian, Chen Ji, V. Gilyarovskiy, A. Blok, F. Sologub, K. Balmont, O. Mandelstam, S. Esenin, E. Bagritskiy, D. Kharms, G. Berestov, A. Barto, E. Moshkovskaya, V. Sosnora. The authors examine different variations in actualizing the archetypal meanings of the rooster image depending on ethnocultural and civilizational factors, as well as on the writers' cognitive memory; identify both universal symbolic connotations of the rooster, isomorphic for Russian and Chinese culture, and differences in the principles of artistic representation of the rooster in two different cultures. The article draws attention to the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation and on the natural and historical-mythological realities accompanying the key symbol. The authors conclude that the image of the rooster in Russian and Chinese poetry, despite their geographical and cultural distance, reveals an amazing intertwining of meanings, the artistic nature of the image is complex and diverse, this character appears in different, sometimes contradictory hypostases – a sage, a keeper, a

mentor, a demon, a guardian, etc., becoming a multifaceted archetype, reflecting the deep human ideas about the world and its order.

Key words: symbol; mythology; mythopoeitics; the rooster image; ornithomorphic archetype; russian poetry; chinese poetry; lyrical hero

This article is published as part of the activities of the Center for studying Russian-speaking countries in Southwest University of the People's Republic of China under the Ministry of Education, PRC

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the rooster in russian and chinese poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 59–83. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-59>. <https://elibrary.ru/KPEIQM>.

Введение

«В споре о том, что было раньше – курица или яйцо, я бы высказался в пользу петуха» [Кумор, 2006, с. 462]. Действительно, образ петуха, с его активной, созидательной ролью в мироздании, наделен богатой культурной символикой, отражающей как древние поверья, так и глубокие философские размышления о времени и бытии, и является одним из важнейших орнитоморфных архетипов. В отечественном и зарубежном литературоведении представлены многочисленные исследования орнитологического дискурса: отражены архетипы и символы «семейных ценностей» в образе голубей, гусей, лебедей [Абакарова, 2017]; анализируются этнокультурные особенности орнитоморфных образов народов Севера [Бычков, 2019]; рассматриваются орнитологические образы в русском языке [Грудева, 2015]; проводится сопоставительный анализ культурной семантики образа ворона в русской и китайской поэзии [Болдырева, 2023],

анализируются орнитологические образы в контексте творчества конкретных поэтов и писателей различных эпох [Цзин Цзинши, 2021; Джанумов, 2019; Абашева, 2019; Федотов, 2019; Верина, 2019; Дубинина, 2016; Бельская, 2016]. Образы птиц подвергаются осмыслению в фундаментальных исследованиях М. Эпштейна, рассматривавшего функционирование их в контексте анализа природного мира русской поэзии [Эпштейн, 1990], А. В. Гуры, изучавшего символику животных, в том числе птиц, в славянской народной традиции [Гура, 1997]. Подобный научный интерес к осмыслению орнитологической парадигмы обусловлен тем, что «символический образ птицы, воплотивший в себе устойчивый архетип, объясняющий реальность, открывает нам наиболее древнюю форму восприятия человеком действительности. В формате современной науки понятие “орнитоморфный архетип” выступает как инструмент исследования закономерностей исторического развития,

приобретая статус метатеоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре» [Рябцева, 2019, с. 226].

Среди всех представителей орнитологического дискурса петух представляет особый интерес в контексте русско-китайского литературного диалога, поскольку для обеих культур образ этой домашней птицы является не только аутентичным, но и отражающим значимые аспекты мифопоэтической картины мира.

Традиционно в русском фольклоре петух – «вещая птица, наделяемая огненной, солнечной и одновременно хтонической, а также мужской сексуально-брачной символикой и символикой плодородия, способностью противостоять нечистой силе и в то же время демоническими свойствами» [Гура, 2009, с. 29]. При этом положительные коннотации образа птицы преобладают. Солярная символика петуха олицетворяла смену времен года, переход от зимы к весне, от ночи ко дню. Согласно древней легенде о трех братьях (Солнце, Месяце и Петухе), день чередуется с ночью, поскольку Солнце и луна поссорились из-за петуха, которого Месяц сбросил с облака, а Солнце рассердилось. Этим объясняется, что Петух кричит на рассвете в знак приветствия Солнца, защитившего его от злого Месяца и восстановившего справедливость. Пение петуха также символизирует торжество света и сокрушение сил зла. В связи с этим существует поверье, что трижды прокричавший петух изгоняет де-

монов и ведьм, низвергая их в леса и болота. Кроме того, петух отгонял болезни, поэтому поедание птицы приравнивалось к обряду, дарующему исцеление.

В русской культуре петух также считался хранителем очага – отсюда традиция возводить флигель с изображением птицы или изображать ее на дверях избы. В дизайнерских решениях подобное явление можно наблюдать и в сельской местности, и в современных многоквартирных домах до сих пор, наряду с подковой или еловым венком.

Не менее значимыми для русской культуры были метафорические значения петуха как символа плодородия и сексуальной энергии. В связи с этим существовало много свадебных традиций. Так, петух озаменовывал танцем союз молодоженов, присутствовал в спальне при первой брачной ночи и др.

С приходом христианства образ петуха не утратил положительных коннотаций, однако к ним добавились хтонические значения: с одной стороны, петух считался изгнанником дьявола, с другой – воплощал демоническую природу. В этой парадигме доброго и злого начала особенную семантику приобретает цвет птицы. Так, белому петуху надлежало охранять православный мир от Антихриста, черному – служить ведьмам и упырям.

В мифопоэтическом пространстве Китая образ петуха является не менее значимым. Его сакральные свойства обусловлены огненной природой, дарующей жизнь, свет и тепло. В Древнем Китае, как и на

Руси, петух считался символом домашнего очага. Поскольку кровь петуха считалась сакральной, его приносили в жертву, чтобы защитить домочадцев или избежать природных катаклизмов. Важную роль играл петух в сельскохозяйственном календаре: первый день первого месяца принято было считать днем Петуха, когда по поведению птиц, по погоде в этот день, можно было судить об урожае, а в первый день десятого месяца птицу забивали, чтобы злые духи не могли проникнуть в человеческое жилище и принести с собой болезни и смерть: «В китайской картине мира петух, предстает как жертва судьбы, своего предназначения» [Инь Бинь, 2014, с. 220].

Не обходились без петухов и свадебные обряды Китая, где молодоженам надлежало есть мясо этих птиц, их подносили в качестве особого сакрального подарка родственники жениха семье невесты. Петух также становился участником бракосочетания, молодожены держали птиц в руках во время церемонии.

С древних времен петух в китайской культуре является воплощением «пяти добродетелей», таких как мудрость, храбрость, мужественность, гуманность и доверие. Все эти коннотации связаны с идеей очистительной силы труда: петух встает раньше всех и призывает жителей к пахоте или иным важным делам, например, к учению.

Наряду с прочим, в отличие от русской культуры, петух является

символом императорской власти. Часто эти птицы становились обитателями резиденции и принимали участие в Петушиных боях. Известная даосская притча о боевом петухе государя, выражающая идею мудрого спокойствия, рассказывает о птице, которая в течение нескольких месяцев готовилась к поединку. С каждым разом питомец императора становился хладнокровнее, утрачивал гордость, ярость и в конце концов обрел такую спокойную статью, уверенность и внутреннюю силу, что другие петухи отказывались вступать с ним в поединок. Таким образом, петух коррелирует с самим императором, основное качество которого – холодный ум и чувство собственного достоинства.

Несмотря на то, что образ петуха широко распространен как в русской, так и в китайской литературе (в произведениях И. Крылова, Н. Гоголя, А. Пушкина, А. Куприна, Хай Цзы, Лин Хэ, Чжан Цзисяня), научных трудов, посвященных художественной репрезентации образа, на данный момент не существует. Научный интерес исследователей сосредоточен либо на лингвокультурологическом и культурологическом аспекте [Ван Чжихао, 2023; Инь Бинь, 2014; Михайлова, 2016; Лицарева, 2019], либо на творчестве отдельных авторов [Смирнов, 2004; Баландина, 2021]. В то же время обширный литературный материал позволяет провести сравнительно-типологический анализ образа петуха, обладающего

значительным символическим потенциалом и в русской, и в китайской поэзии. Проанализировав стихотворения Вэнь Тинъюня, Янь Чжэньциня, Цао Чжи, Вана Аньши, Чжана Цзисянь, Чэня Цзи, В. Гиляровского, А. Блока, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, О. Мандельштама, С. Есенина, Э. Багрицкого, Д. Хармса, Г. Сапгира, В. Берестова, А. Барто, Э. Мошковской, В. Сосноры, мы выделили концептуальные ипостаси, в которых предстает петух в пространстве поэтического дискурса: хранитель дома, мудрец, храбрый воин, ментор, глашатай нового дня, огненный демон, страж метафизического пространства.

**«Я слышал, как зовет Петух»:
Петух – Хранитель дома**

На Руси и в Древнем Китае особую роль в жизни населения играло сельское хозяйство. В связи с этим были широко распространены различные земледельческие культы, сопровождавшие такие свойственные разным национальным культурам праздники, как Масленица, Зажинки и Дожинки, день Ивана Купалы, Культ Шэн-нуна, Почитание местных духов (ту-ди). В основе их лежали ритуалы жертвоприношения, чтобы обеспечить богатый урожай, избавиться от непогоды и различных болезней. Нередко жертвой в подобных ритуалах становится петух. Ранее мы уже говорили о том, что в культе древних славян эта птица приносила себя в жертву как бы сознательно, поскольку была тесно связана с до-

мом и с хозяевами. Кроме того, они находились в сакральном союзе с Домовыми, и с Солнцем, Землей и Небом (на Руси), а также духами местности (в Китае). Поэтому и в русской, и в китайской культуре петух является не только символом, но и хранителем дома.

В стихотворении «В горах Шаншань» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. Вэнь Тинъюнь лирический герой пребывает в длительной дороге. Идея прощания с домом в китайской лирике порождает ряд противоречий героев многих текстов: с одной стороны, дорога сулит новые перспективы и реализует даосистскую идею непрерывности пути, с другой – отражает ностальгическую тоску и прощание с предками, почитаемыми в китайской культуре, с детством и всем, что дорого сердцу. Противоречивость героя в этом стихотворении поддерживается рядом бинарных оппозиций, заключенных в символических образах: колокольчик, зовущий в дорогу, противопоставлен статичному двору постоянной избы, которая, очевидно, напоминает ему собственную, а перелетные птицы – гуси и утки – крику домашнего петуха, возвещающего о том, что где бы ни находился герой, дверь в родной дом всегда открыта для него. На это указывает и образ следов на мосту: целостность конструкции не нарушена, исходя из чего ходить по ней можно в обе стороны: «Крик петуха. Свет призрачный луны. Заиндевелый мост, следы от чьих-то ног» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. Здесь мост – символ связи с родом

и предками. На подобную семантику указывают листья дуба, рассыпанные по горной дороге, и сон, где герой видит родную провинцию и ощущает себя перелетной птицей, хоть и без прочного гнезда, но той, что всегда возвращается к родным местам: «И мне невольно грезится Дулин, Где перелётных птиц в прудах полным-полно» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. А петух, в свою очередь, криком своим зовет героя домой, становится его надеждой и ориентиром. В то же время непрерывное движение героя – это развитие, трудный, но необходимый для духовного становления путь.

Сходные значения петух имеет и в русской лирике. Так, в стихотворении С. Есенина «Где ты, где ты, отчий дом...» [Есенин, 1995, с. 371] лирический герой, подобно герою китайского текста, предстает в образе тоскующего скитальца. Но в отличие от предыдущего примера, его путь неизвестен и сравним с листом, пущенным по ветру. Пространство текста четко разделено на «здесь» и «там». Мир здесь застилает глаза герою стрелами дождя, поэтому он не дезориентирован. Кроме того, дождь (как и мельница) – воплощение Хроноса: «Месяц маятником в рожь Лить часов незримый дождь. Время – мельница с крылом» [Есенин, 1995, с. 371]. Чем дальше герой от дома и чем быстрее вращаются лопасти, тем слабее слышится крик петуха и тем дальше воспоминания о счастливом детстве: «Этот дождик с сонмом стрел, В тучах дом мой за-

вертел, Синий подкосил цветок, Золотой примял песок» [Есенин, 1995, с. 371]. Цветовые эпитеты здесь приобретают особую значимость и коррелируют с мотивами счастья и утраченной юности. Петух, призывно кричащий где-то вдали, бессилён остановить бег времени: «За рекой поет петух» [Есенин, 1995, с. 371]. Примечательно то, что река времени разделяет мир на «до» и «после» ухода в бесцельное странствие (отметим, что в тексте нет описания мира «здесь»). Отсутствующий мост, лодка и иные средства, позволяющие преодолеть водный барьер, указывают на обреченность героя, вступающего в своего рода диалог с петухом. Но из-за шума ливня, реки, мельницы, они не слышат друг друга, и в отличие от героя Вэнь Тинъюня есенинский путник никогда не вернется домой.

Образ деревенского петуха также встречается в стихотворении «Я сладко изнемог от тишины и снов» Э. Багрицкого [Багрицкий, 1977, с. 73], где петух представлен не только как символ дома, но и как оберег. Его герой, напротив, находится в пространстве дома, но также испытывает ряд противоречий. Христианские образы, гармонично сочетающиеся с языческими, выражают двойственность и героя, и времени. С одной стороны, мир статичен, события, обстоятельства повторяются раз за разом, что порождает в душе героя глубокую тоску, с другой – оно и движется, подобно «варенью, капающему

с ложки». И здесь как раз особую значимость приобретают иконы и полотенце с вышитым петухом. Здесь они, будучи атрибутами различных культов (православного и языческого), не противопоставлены друг другу, а взаимодополняемы. Герой, помня традиции предков, любит иконы, и петухом, которые одновременно и статичны, и динамичны: «Мне любви петухи на полотенцах белых И копоть древняя суровых образов», «И, шею вытянув, протяжно запеваешь На полотенце вышитый петух» [Багрицкий, 1977, с. 73]. Здесь петух выполняет функцию оберега. Оккультный символ полотенца с вышитым петухом даровал владельцу здоровье, новую жизнь, был солярным символом. Теми же функциями обладает и икона. Сама же идея дома заключается в почитании традиций предков, соблюдении всех традиций, когда-либо существовавших в народе. Дуальность русской культуры как таковой хорошо показана в образе героя, для которого тоска – благо, тяжкая ноша – сладостна, а петух и иконы обеспечивают герою двойную защиту.

«Но, как видно, и он не дурак был, петух»: Петух – Мудрец

В культуре Древнего Китая петух являлся птицей «Пяти добродетелей», первой из которых была мудрость или способность к учению. В связи с этим широко распространены притчи, прославляющие различные грани мудрости – благородство, спокойствие, уве-

ренность в себе, трудолюбие, красноречие. Известна древняя притча о некоем Цзы-цине, ученике Мо-цзы – почитаемого китайского философа царства Лу. Цзы-цин, рассуждая о том, как сделать беседу интересной, быть услышанным и понятым, обратился к учителю за помощью в разрешении мучившего его вопроса. Тот внимательно выслушал и ответил: «Как только он [петух] запоет ранним утром, все люди просыпаются и радуются новому дню. Так разве есть польза в многословии? Важно, чтобы сказанное было своевременным» [Мифы Китая, 2024, с. 114].

Подобные мотивы характерны и для китайской поэзии. Так, в стихотворении «Поощрение обучения» Янь Чжэньцина [颜真卿 ... , 2025] петух является покровителем всех, кто обратил свои помыслы к учению: «С полночи до утра, когда кричит петух, – лучшее время для мальчика учиться» [颜真卿 ... , 2025]. Здесь птица не только разделяет пространство дня и ночи, но и напоминает о том, что пока человек молод, у него есть силы на то, чтобы выполнять несколько дел, не заботясь о сне и отдыхе. Петух здесь символизирует и благородный труд, ибо днем мальчику надлежит работать в хозяйстве и помогать своим родителям. В труде также содержится великая мудрость, потому что культ земли, дарующий человеку богатство недр, не менее значим, чем культ знания. К тому же интеллектуальное развитие не может осуществляться само

по себе: для этого нужна дисциплина, которую дает труд физический. Поэтому для культуры Китая идея баланса духовного и физического является особенно значимой: она проявляется как в религиозно-философских течениях (конфуцианстве, например), так и в школах боевых искусств (кунг-фу, ушу). В связи с этим петух также олицетворяет мудрость управления временем и собственным ресурсом. Человек пожилой утрачивает все эти качества: и гибкость ума, и силу тела. Поэтому, не обучившись в юности, он не сможет ни достичь высот в науке, ни постичь великие тайны мира, а так и останется пахарем, а когда силы его покинут, не сможет на старости лет утешить себя воспоминаниями: «Если в юности не будет усердно учиться, то будет сожалеть, когда его волосы поседеют» [颜真卿 ... , 2025].

В русской ментальности мудрость петуха актуализирована в несколько ином ключе. Являясь персонажем многих народных и авторских сказок, он часто становится воплощением хитрости и русской смекалки, переигрывая в этом даже лису. Противостояние петуха и лисицы отражено и в русской поэзии. В стихотворении Д. Хармса «Лиса поймала петуха...» [Хармс, 2020, с. 210] повторяется архетипический сюжет, отражающий противостояние жадной и хитрой, но легкомысленной хищницы и ловкой и удачливой птицы. Первая показана в тексте самолюбленной, нарочито вежливой и

несколько кокетливой, что отражается в ее речевой культуре: «– Я откормлю вас, Ха-ха-ха! И съем вас Как конфетку» [Хармс, 2020, с. 210]. Будучи увлечена собой, легкостью победы, она упускает из вида существенные детали: «Ушла лисица, Но в замок Забыла сунуть ветку» [Хармс, 2020, с. 210]. Петух здесь играет роль ловкого хитреца, цель которого – не просто спасти свою жизнь, а наказать лису за ее кровожадность и одновременно с тем легкомысленность. По возвращении домой, не обнаружив петуха в клетке, она заходит в нее, и герой закрывает коварную хозяйку, при этом громко смеясь. Таким образом, здесь мудрость петуха явлена не только через ловкость, но и через идею справедливого возмездия.

В русской поэзии также встречается такое символическое значение петуха, как мудрость ложная. Еще ее можно определить как бессмысленную хитрость. Ярким примером здесь выступает стихотворение Г. Сапгира «Крокодил и петух» [Сапгир, 2024, с. 107]. В пространстве текста встретились два героя: крокодил с головой петуха и петух с головой крокодила. И каждый из них решил, что чужая голова краше и ближе. Поменявшись головами, каждый из них думает, что обманул другого, приобрел что-то ценное даром и оттого преумножил собственную выгоду. Но подобный взаимовыгодный, как им казалось, обмен, лишен всякого смысла, ибо в итоге каждый остался со своим: «И каждый подумал: “Красива на

диво! Обманул я его, Чудака”. И ушёл Крокодил С головой крокодила, А Петух – С головой петуха» [Сапгир, 2024, с. 107]. Мораль здесь сложно определить однозначно: финал выражает и идею бессмысленной зависти, и невозможность обретения выгоды за счет обмана другого. Как бы то ни было, петух воплощает здесь непривычный для себя символический модус обманщика и лжемудреца.

**«В курятнике не спорят с петухом»:
Петух – Храбрый воин**

Петух – один из ключевых героев русского фольклора, поэтому он получил широкое распространения в народных сказках. Тексты эти отражают двойственную природу птицы. С одной стороны, задиристость, бахвальство и тщеславие, с другой – храбрость, ответственность за других, самоотверженная защита справедливости, когда представлен как храбрый и бесстрашный воин.

Так, в стихотворении В. Берестова «Петух» [Берестов, 2020, с. 61] герой изображен статным и величественным, где чувство собственного достоинства дополняется красотой его перьев: «Шагает, как Наполеон, Красавец мой петух. Мне зренья услаждает он И услаждает слух» [Берестов, 2020, с. 61]. В тексте актуализируются сюжеты русских сказок, где птица часто вступает в противоборство с антагонистами, такими как лиса или повар: в таких историях героя сопровождают удача, смекалка, лов-

кость благодаря которым он выходит победителем из опасных ситуаций: «И что герою лисья пасть И кухонный котёл!» [Берестов, 2020, с. 61]. Природная надменность здесь не является качеством отрицательным, напротив – уверенность в себе, гордость транслируются через образ орла, который, в свою очередь, является аллегорией отваги, свободы и независимости: «Он любит бой. Он любит власть. Он грозен, как орёл» [Берестов, 2020, с. 61]. В мире зверей и людей ему нет равных, поэтому единственный, кто может представлять опасность для петуха – это его сородич, такой же гордый, смелый и властный – и столь же удачливый: «Отведать эти потроха Мечтают все вокруг. Но главный враг у петуха – Другой такой петух» [Берестов, 2020, с. 61]. Таким образом, в стихотворении герой представлен как храбрый и неуязвимый воин, сопровождаемый удачей и всеобщим признанием и готовый отдать жизнь только себе подобному – достойному врагу Петуху.

Петух как воплощение доблестного воина встречается и в китайской культуре. Связано это в первую очередь с тем, что в азиатских странах с древних времен были популярны петушиные бои – соревнования, где два петуха дерутся на арене, подобно гладиаторам, и часто погибают от ран или от рук хозяев, разочарованных поражением и, как следствие, финансовыми потерями. Мотив доблести и самопожертвования бойцового петуха отражен и в китайской ли-

рике. В стихотворении Цао Чжи «Петушиный бой» [Цао Чжи, 2025] сюжет представляет собой кровавые состязания, призванные для увеселения скучающей публики. Хозяин петуха, пребывая в праздной тоске, отвергший высокое искусство, находит особую радость, наблюдая за страданиями измученной, но гордой, закаленной в боях птицы. Натурализм в описании боя подчеркивает, с одной стороны, жестокость и цинизм представителей человечества, с другой – смелость петуха, его волю к победе и веру в значимость собственных побед. Взъерошенные перья, налитые кровью глаза, истерзанная плоть, шпоры, вонзающиеся в жертву – все эти образы сближают птичьих бои к состязаниям римских гладиаторов, где награда за победу – жизнь, добытая ценой смерти соперника. Несмотря на существенный физический урон, петух изображен в бою легким, что подчеркивает естественность конкурирующей среды: «Их пух невесомый Летает, летает кругом», «Взмахнули крылами, И ветер пронесся струей» [Цао Чжи, 2025]. С точки зрения птицы бой – это один из способов доказать свое превосходство, казаться сильным и отважным: «И крыльями машет. Геройски взлетая, петух, Покамест отваги Огонь ещё в нем не потух. Он требует жира На рваные раны свои, Чтоб выдержать с честью Любые другие бои» [Цао Чжи, 2025]. Несмотря на то, что петух показан как эпический герой без страхов и со-

мнений, в этом тексте подчеркнута горькая ирония: что для одного снадобье от тоски, для другого – вся жизнь, пронизанная верой в высокие идеалы доблести, отваги и самоотверженности.

**«Петушок поёт, наш Петя,
Чтобы вы проснулись, дети»:
Петух – Ментор**

Детство – это благодатная почва для формирования духовно-нравственных и общественных ценностей. В связи с этим петух в русской литературе становится неким ментором, выступающим в нескольких ипостасях: он и сопровождает ребенка на пути взросления, помогая ему справляться с первыми трудностями, и на своем примере демонстрирует те или иные качества, хорошие и плохие, становясь тем самым нравственным флюгером, и отражает беззаботность и непосредственность восприятия, воплощая идею детства как таковую.

Так, в стихотворении О. Аминой «О чем поет петух» [Озод, 1986, с. 37] птице отводится роль наставника, возвещающего о добродетели учения. Юный герой, сопротивляющийся трудностям школьных будней, ленится и притворяется, будто не понимает слов птицы: «Петух кричит, петух поет, Поспать мне утром не дает. – О чем кричит он, мама? Что он твердит упрямо?» [Озод, 1986, с. 37]. Однако петух терпелив и настойчив. Ему известны все детские хитрости и уловки, обусловленные несформированностью ценностных ориенти-

ров: «– Ты что хитришь? – он говорит. – Ведь ты не спишь? – он говорит. – А ну давай, – он говорит, – Вставай, вставай! – он говорит» [Озод, 1986, с. 37]. Далее петух напоминает, что учение – это не процесс, а культура, поэтому необходимо не только усваивать знания, но и с уважением относиться к себе: умываться с мылом, чистить зубы, быть последовательным во всем, вставать рано, чтобы лучше подготовиться к занятиям: «Мчись на урок! – он говорит. – Да чтоб был прок – он говорит» [Озод, 1986, с. 37]. Таким образом, здесь петух является ключевой фигурой формирования личности и воспитания ценностных ориентиров, способствующих обучению.

Одна из наивысших добродетелей – гуманизм, поскольку помощь ближнему – мерило человеческой морали. В связи с этим, петух выступает в роли экзаменатора, определяющего нравственные устои подрастающего поколения. Пример тому – стихотворение А. Барто «Река разлилась» [Барто, 1959, с. 76]. В тексте изображается полководец, унесшее со двора домашнюю птицу. Наблюдающие за этим явлением школьники стоят перед сложным выбором: бросить петуха тонуть и предаться беззаботному веселью или проявить храбрость и спасти беззащитное создание. Провокационный характер речи субъекта лирического высказывания как бы отвлекает ребят от правильного выбора, указывает на то, что они бессильны, а сам пернатый обречен: «По реке петух плывет Унесло

беднягу. Ну, теперь ему конец. Он неопытный пловец». В действительности и свидетель ситуации, и сам утопающий не сомневаются в моральных качествах советских детей, готовящихся, очевидно, стать пионерами, основной девиз которых – «Всегда готов!». К тому же, петухи отлично плавают. К счастью, юные герои с честью сдают экзамен на смелость: бросаются на помощь, не думая о возможной опасности для себя. В финале есть существенная деталь, указывающая на условный характер ситуации: «Машет крыльями петух, Он летит на берег» [Барто, 1959, с. 76]. Исходя из этого мы понимаем, что никакая опасность ему не угрожала, а тонул он на виду у всех исключительно ради того, чтобы проверить ребят, готовы ли те перейти в условно взрослую жизнь (среднюю школу), взять ответственность за чью-то судьбу. И наградой для юных героев становится общественное признание и одобрение: «Знают все, что третий класс Петуха сегодня спас» [Барто, 1959, с. 76]. Однако слава здесь выступает не как аллегория успеха, а как назидание: положительный пример необходим для других ребят.

Петух выступает в русской поэзии еще и в ипостаси усердного ученика, осваивающего азы красноречия. Так, в стихотворении «Секрет» Э. Мошковской маленький герой спешит поделиться радостью: «Петушок признался маме: «Знаешь, я уже могу говорить ку-кареку!» [Мошковская, 2017, с. 15]. В этом простом на первый взгляд

тексте заключены важнейшие идеи, необходимые для формирования психологически здорового ребенка: важность освоения новых умений, доверительный характер детско-родительских отношений, усердие в обучении, желание быть признанным и успешным в глазах родителей, чтобы сообщить о маленьких радостях «по секрету» самому близкому человеку, и герой стихотворения, вдохновленный, перестает стесняться и приступает к урокам с новой силой: «По секрету, по секрету, где большие лопухи, по секрету всему свету он сказал: «КИ-КИ-РЕ-КИ!!!» [Мошковская, 2017, с. 15]. Очевидно, что сила его голоса крепнет, и благодаря поддержке близких и собственным стараниям он вскоре станет искусным глашатаем.

**«Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей – петухи»:
Петух – Глашатай нового дня**

Вопреки тому, что петухи не являются певчими птицами, этимологически название восходит к слову «певец», «петь». Благодаря своей уникальности петух в русской культуре считался вестником, и его крик мог символизировать различные перемены. В связи с этим на Руси существовало много примет, связанных с петухом: кричит дурным голосом – быть беде, внезапно лишился голоса – к болезни близких, проснулся утром от крика петуха – к удаче. Исходя из этого, в русской поэзии петух часто стано-

вится глашатаем нового дня (эры, жизни).

Так, в стихотворении Ф. Сологуба «Просыпаться утром рано» [Сологуб, 2014, с. 339] крик петуха, рассеивая ночную тьму, дарит герою надежду на новое счастье. Погруженный в депрессивное состояние, он предпринимает попытку выйти из круговорота невзгод, актуализируя идею, что новый день – новая возможность. Инфинитивные конструкции – «просыпаться», «слушать», «позабыть» – носят скорее императивную модальность и сближают стихотворение с манифестом, где определенная последовательность действий приводит к нужному результату. Цикличная композиция текста, напротив, говорит о повторяемости событий и замкнутости пути героя, его стагнации и обреченности. Несмотря на то, что петух, возвещая приход нового дня, призывает и героя к началу труда, тот, в свою очередь, пребывает в бездействии и перекладывает ответственность за собственные беды на мировой порядок и на птицу: «День промедлить без греха И опять проснуться рано Под оранье петуха» [Сологуб, 2014, с. 339]. Бездействие героя порождает бесильную злобу на птицу: вначале он называет крик «пением», затем – «ораньем», упрекая тем самым вещь петуха в том, что дни идут за днями, повинуюсь призыву птицы, но жизнь героя остается такой же горестной и бессмысленной. Так, возвещая о смене суток, петух остается безучастным к судьбе че-

ловека, выбор которого – бездействовать и погибать без всякой пользы для мира.

У Сологуба мы видим, что петух не может изменить жизнь человека, потому что тот сам не способен к действию, без которого перемены невозможны. Однако иногда, даже предпринимая попытки изменить судьбу, человек обречен проводить свою жизнь в бессмысленном труде. Петух же, в свою очередь, возвещает об изменении в метафизическом пространстве, но к жизни и деятельности человека они не имеют никакого отношения. Так происходит, например, в стихотворении О. Мандельштама «Я изучил науку расставанья...» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Человеческая жизнь в нем соотносится со смирением вола, жующего траву до скончания дней. В отличие от людей эти животные смиренны и не издают жалобный стон, не взывают к Господу при vigилии, чтобы тот наполнил их жизнь высшим смыслом. Поедая пищу, вол спокойно ожидает конца жизни, в то время как человек насыщает свою жизнь событиями – войной, страстью, любовными переживаниями. Но все это – тщета в сравнении с мировым порядком, заключающимся в повторении одних и тех же событий – день сменяется ночью, зима – весной. Это и перемены, и одновременно статичность, обеспечивающая мировой порядок. И вестник этого порядка, вестник перехода от одних событий к другим – петух. И огненная птица, и вол – часть природного мира, находящегося под

покровительством Дианы (в тексте – Делия). Человек, вовлеченный в суету, не может раскрыть послание петуха: «Что нам сулит петушьё восклицанье, Когда огонь в акрополе горит», «Зачем петух, глашатай новой жизни, На городской стене крылами бьёт?» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Неясное вызывает хтонических страх, и герой вспоминает о народных приметах, согласно которым ночной крик петуха символизирует несчастье: «И чту обряд той петушиной ночи, Когда, подняв дорожной скорби груз, Глядели вдаль заплаканные очи» [Мандельштам, 2023, с. 714]. В данном случае речь идет о расставании – с любовью: на это указывают мужской и женский образ. Тем не менее судьба человека как героя, так и героини предопределена, на что указывает аллюзия к Мойрам: «И я люблю обыкновенье пряжи: Снует челнок, веретено жужжит» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Герой мирится с неотвратимостью судьбы, но, в отличие от вола, сокрушается и злится: «О, нашей жизни скудная основа, Куда как беден радости язык! Всё было встарь, всё повторится снова, И сладок нам лишь узнаванья миг» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Мужское начало более рационально, и хоть оно не может понять смысл повторяемости и осмыслить петушиный крик, возвещающий о новом цикле, признает существование порядка. Женское начало, напротив, иррационально, поэтому героиня, не в силах смириться с расставанием, прибегает к гаданию, про-

водит свою жизнь в нервном неведении, в то время как герой, повинувшись петуху, понимает, что за разлукой неизбежна встреча, и все, что остается – надежда, что состоится она в этой жизни. Но вероятность этого исхода ничтожна, так как мужчины пренебрегают миром и постоянно пребывают в состоянии борьбы: «Не нам гадать о греческом Эрбе, Для женщин воск, что для мужчины медь. Нам только в битвах выпадает жребий, А им дано гадая умереть» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Здесь очевидным становится различие мужского и женского начала, но противоположные подходы к осмыслению бытия бессмысленны, поскольку и мужчина, и женщина пребывают во мраке неведения. И если герой может осмыслить неотвратимость судьбы и повторяемость мировых событий, предсказать свою жизнь на краткосрочный период он не способен и все равно погибает в бессмысленной борьбе с собственной природой и тщеславием, повинувшись инстинкту воина. Женщина же, от природы более гибкая, не способна к осмыслению космических материй и сосредоточена на решении текущих задач. Она умеет ждать, но, погружаясь во мрак эмоциональных переживаний, утрачивает надежду и так же погибает. Петух же, с возвышения взирающий на мир людей, остается к ним безучастным и издает крик, понятный лишь воле. Он возвещает о смене очередного цикла, о скоротечности времени относительно

всего живого и материального. Если бы человек смог внять этому возгласу, он осознал бы, что путь его должен быть соотнесен с жизнью вола, который молча жует траву и проживает в созерцании каждый отпущенный ему день. Это похоже на путь монаха, который, отрекшись от суеты, углубился в самопознание и постижение тайн мирового порядка.

Петух как вестник нового дня широко распространен и в китайской поэзии. На Востоке петух символизирует начало весны и связан с культом земледелия и плодородия. Но кроме того, он может возвещать об успехе и связанными с ним положительными изменениями. Так, в стихотворении «Поднялся нагорную вершину Фэйлайфэн» Вана Аньши [王安石 ... , 2025] крик петуха возвещает о преодолении значительной высоты и обретении мудрости и самопознания. Фэйлайфэн – священная гора, поскольку находится на территории монастыря. Покоривший ее – нравственно очищается и приобретает духовный опыт, переходя на новую стадию развития. Прежние невзгоды и образ мышления, аллегорически изображенные в виде облаков, рассеиваются и теряют власть над человеком: «Не боюсь, что плывущие облака могут скрыть мои глаза, Ведь теперь я здесь, в горах, на вершине» [王安石 ... , 2025]. Петух, в свою очередь, знаменует духовное просветление, заключенное в образе восходящего солнца: «я услышал крик петуха и увидел вос-

ход солнца» [王安石 ... , 2025]. Здесь это зарождение новой жизни, и петух еще выполняет роль стража, рассеивающего тьму заблуждений и приветствующего обновленного человека.

**«Впустите Красного петуха»:
Петух – Огненный демон**

Петух – символ солнца, которое, в свою очередь, являет собой пламя. Оно может даровать свет и тепло, но вместе с тем способно обратить все живое в пепел. Двойственная семантика огня заключена и в образе петуха, которого славяне считали птицей двуликой. Подобные воззрения о противоположных началах птицы заключены и в древних приметах, о которых мы уже говорили, и во фразеологии: выражение «красный» петух обозначает пожар или поджог. Природа огня отражается и в характере, и во внешности птицы: алый гребень соотносят с языками пламени. Кроме того, считалось, что достигший семилетнего возраста петух превращается в «демона огня» и несет своим хозяевам болезни, смерть и разорении.

Демоническая природа петуха нашла свое отражение и в русской поэзии. В «Сказке о петухе и старушке» А. Блока языки пламени, вырвавшиеся из печи, изображены в образе сбежавшего петушка: «Петуха упустила старушка, Золотого, как день, петуха! Не сама отворилась клетушка, Долго ль в зимнюю ночь до греха!» [Блок, 2022, с. 210]. Исходя из художественных дета-

лей, мы понимаем, что дверь печи не была закрыта, поскольку было очень холодно, и беспечность старушки обернулась трагедией. Демоническая природа птицы усиливается тем, что старушка была немогущей и не могла свободно передвигаться. В поисках «посошка» она утратила драгоценные секунды, которые пожирал демон: «И на белом узорном крыльчке Промелькнул золотой гребешок...», «Вот – ударило светом в оконце, Загорелся старушечий глаз...» [Блок, 2022, с. 210]. События развиваются слишком стремительно, и с каждым мгновением огненный петух осваивает все новые пространства, мелькает и в избе, и во дворе. Характер повествования нивелирует трагичность ситуации, петушок воспринимается как пронырливый озорник – таким воспринимает его добрая старушка, сохраняющая оптимизм и свет души в самый последний момент жизни перед тем, как милый солнечный петушок заберет ее с собой в небытие: «А уж в кучке золы – незнакомый Робко съежился маленький труп...», «Петушка своего потеряла, Ан, нашел тебя сам петушок!», «Мертвый глаз будто всё еще ищет, Где пропал петушок... золотой» [Блок, 2022, с. 210]. В тексте противопоставлены образы золота, олицетворяющего языки смертоносного пламени, и солнца, воплощающего идеи добра и взаимопомощи. Так, деревня солнечная, поскольку жители, узнав о пожаре, ни секунды не помедлив, бросились заливать поглощенный пламенем дом, в то время как золо-

той петушок с демоническим взглядом обращал в пепел пространство вокруг себя: «Вон стоит он в углу, озаренный, Из-под шапки тарачит глаза...» [Блок, 2022, с. 210]. Необходимо отметить, что демоническая природа петуха у древних славян соотносилась с идеей богатства, развращающего душу. Финал сказки поистине прискорбный, но не только потому что добрая старушка погибла в муках из-за своей беспечности, но еще и потому, что хоть пожар и потушили, огненный демон остался непобежденным и, возможно, через какое-то время золотой петушок даст о себе знать: «А над кучкой золы размеченной, Где гулял и клевал петушок, То погаснет, то вспыхнет червонный Золотой, удалой гребешок» [Блок, 2022, с. 210].

Путь огненного петуха описан и в стихотворении «Красный петух» В. Гиляровского [Гиляровский, 1967, с. 224]. В отличие от А. Блока он рассуждает не о частной ситуации, а о природе этой пламенной птицы и о том, где и по каким причинам она появляется. Форма текста представляет собой древнее сказание, передающиеся из уст в уста: «У нас на Руси, на великой, (То истина, братцы, – не слух) Есть чудная, страшная птица, По имени «красный петух»...» [Гиляровский, 1967, с. 224]. Актуализируя фольклорное начало образа, герой обращается к поверьям, согласно которым Петух может служить дьяволу. На это указывает и образ змеи, проползающей по лесу и оставляя

за собой дым и пепел: «По листьям и хвоем сухим он Гадюкой пополз через лес, И пламя за ним побежало, И дым поднялся до небес...» [Гиляровский, 1967, с. 224]. И поскольку дьявол относительно человека всемогущ, красного петуха также невозможно остановить: «Деревья, животные, птицы – Все гибло в ужасном огне. Преград никаких не встречалось Губительной этой волне» [Гиляровский, 1967, с. 224]. Красный петух там, где бедность. В подтверждении этой мысли сказитель вспоминает о деревне, где жители не могли позволить себе дрова, а печь топили соломой, из которой состояло и пространство избы, и двор. Случайная искра, вылетевшая из печи, за день обратила в пепел всю деревню, а старики и дети, оставшиеся на хозяйстве, беспомощны были что-либо предпринять. Еще одна причина, по которой является демон – пьянство. Сказитель вспоминает сгоревшее в Заволжье село, где красного петуха призвали мужики, заснувшие с трубкой во рту. Летит он и на зов несостоявшейся любви: один из героев сказа поджигает избу мужа своей избранницы. Наконец, пламенные крылья настигают беспечных людей, разжигающих костры в лесу и засыпающих уже навсегда. Во всех этих историях жертвами Красного петуха становились не только те люди, по зову или беспечности которых он прилетал, но и целые деревни, города, ни в чем не повинные люди: «Все лето дубрава пылала, Дым черный страну засти-

лал, Возможности не было даже Прервать этот огненный вал...» [Гиляровский, 1967, с. 224].

**«По всей предутренней вселенной
горланят третьи петухи»:**

Петух – Страж

метафизического мира

Крик петуха – сигнал, возвещающий о соблюдении космического порядка. За ночь он кричит трижды: первый раз в полночь, второй – в два часа ночи, третий – в четыре часа утра. Согласно поверью древних людей, с последним криком петуха исчезает нечистая сила: ведьмы, вурдалаки, оборотни. Повинуясь биологическим часам, петух кричит в одно и то же время несмотря ни на погодные условия, ни на освещение. Это делает его стражем мирового порядка, задача которого – следить за тем, чтобы все в мире шло своим чередом, чтобы внешние демонические силы не разрушали космическое пространство и время и там самым не мешали людям жить и исполнять свое предназначение – развиваться и развивать материальный мир, способствовать прогрессу и всеобщему благу. Он отсчитывает время, борется с хтоническим злом, непрерывно трудится – все это проявление его солярной природы, дарующей жизнь и тепло всему живому. Здесь он как бы выступает в роли волшебной Жар-птицы – доброго помощника человека.

Одна из функций петуха, отраженная в поэзии, – соблюдение хода времени. В стихотворении К. Бальмонта «Солнечный знак»

петух знаменует переход от зимы к весне: «Уж скоро крикнет петух весны, Что пламя мчится из вышины, Что пламя пляшет пред торжеством – Дрожать гореньем во всем живом» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Здесь мы видим, что огненная природа петуха благоприятна для окружающего мира. Тепло солнечных лучей противостоит холодным льдам и снегу, ветрам и метели. Но Петух – страж времени, поэтому он не может ускорить его или задержать, как бы людям того ни хотелось. Уставшие от зимы жители внимают пению и ждут, когда весна вступит в полную силу: «Секундной стрелки проворен бег, Буравчик тонкий источит снег» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Исходя из того, что все события наступают в одно и то же время на протяжении многих веков, жители доверяют петуху, перенимают у него природное, органическое чутье: «В веселый полдень почуял дух, Что там на Солнце пропел петух» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Таким образом, петух не просто следит за порядком течения космического времени с пространства Солнца, но и делает людей более природными, осознанными, развивает их внутренний слух, наполняет божественной энергией, на что указывает образ колоколов, возникающий в тексте.

Петух стоит не только на страже времени, но и метафизического пространства. В стихотворении В. Сосноры «Поет первый петух» [Соснора, 2024, с. 132] петух представлен как космический страж, задача которого – рассеять хтони-

ческий мрак. Голос его, громкий и в то же время высокий, проникает во все материи и дарит герою надежду на то, что в мире есть искусство, добро, радость познания: «Большие контуры поэм Я знаю: в нём, а не во мне. Я – лишь фонарик на корме, Я – моментальный инструмент... Но раз рассвет – не на беду Поёт космический петух» [Соснора, 2024, с. 132]. Здесь птица воплощает в себе еще и искусство, создающее альтернативные миры, и солнечная энергия, заключенная в птица, проникает, в том числе в пространство текста. Однако миссия петуха значительно шире, чем сложение стихов – ему поручено преображать мир, транслировать красоту, благо, преображать пространство земное. Ради столь высокой цели он готов мириться с несовершенством материи: «Петух с навозом заодно Клюёт жемчужное зерно. В огромном мире, как в порту Корабль зари – Поёт петух!» [Соснора, 2024, с. 132]. Корабль – символ непрерывного движения, прогресса. Космический мир трансформируется, каждый новый день не похож на предыдущий, новая заря – новая пристань. Человеку сложно осмыслить гармонию вселенной, но петух – метафизическая птица, которой вверено соблюдение законов пространства и времени не только на земле, но и далеко за ее пределами.

Подобной семантикой наделен петух и в китайской поэзии. Исследователи отмечают, что «древние использовали пение птиц для обо-

значения времени и сезонов. Более того, оно также представляет время суток. Известно, что в древние времена не было часов и хронометров, поэтому явления природы стали инструментами, с помощью которых люди могли узнать время» [卞欣欣, 2022, с. 59]. Кроме того, космический порядок в китайской культуре тесно связан с миром природы, которая строго подчиняется мировому закону: все происходит в свой черед и имеет высший смысл, связанный с идеями буддизма.

Так, в стихотворении «Петух» Чжан Цзисяня птица воплощает в себе идею красоты и счастья, наступающими с рассветом: «Петухи обладают пятью добродетелями Красная корона красива, как перья феникса» [张继先, 2024]. Здесь образ петуха соотносится с фениксом – мифологической птицей, являющейся одной из четырех основ мироздания. Гребень петуха – красная корона, или «корона феникса», воплощает само солнце, наделяя птицу энергией ян и указывая на ее связь с космическим миром. Но в задачи петуха входит не только охрана мирового порядка, но и помощь земным созданиям: «Перед рассветом они поют, пробуждая тех, кто еще спит» [张继先, 2024]. Аллюзия к образу феникса позволяет нам судить о том, что сон здесь имеет духовную природу. Люди, разучившиеся жить в согласии с природой, утрачивают и способность к самосозерцанию, обращая свой взор на мирские дела –

достижение социального успеха, обогащение и т. д. Петух же, будучи органичным, пением своим призывает людей к тому, чтобы они пробудились ото сна бездуховности и задумались о том, что человеческая жизнь подобно дню – столь же коротка.

Петух, как страж метафизического времени и пространства, представлен и в стихотворении «Первый день по лунному календарю года синего Дракона» Чэнь Цзи [陈纪, 2024]. Как и в стихотворении В. Сосноры, крик петуха знаменует положительные перемены и соблюдение мирового порядка: «Пение петуха на углу дома возвещает о конце года» [陈纪, 2024]. Вместе со старым годом река времени уносит человеческие печали, на смену которым приходит надежда и обновление. Несмотря на то, что каждый год приближает физическую старость, в круговороте природы есть высший смысл, известный только творцу и космическим созданиям – Дракону, Петуху и иным животным зодиакального круга: «Небо и земля справедливы, и трава и деревья снова становятся весенними» [陈纪, 2024]. Умирая, человек становится частью природы уже на физическом уровне: из тела его произрастают цветы и деревья: «Чаша формы кипарисовых листьев вновь наполнялась вином нового года, а цветы сливы прошли год со мной» [陈纪, 2024]. Чаша здесь символизирует саму жизнь, полную событий и впечатлений, и задача Петуха – следить за тем, чтобы до срока

она была всегда наполнена, чтобы время шло, травы и деревья, пройдя очередной цикл, вновь зацветали и украшали мир. Как и у В. Сосноры, порядок мировой соизмерим с гармонией поэтического искусства: «Сколько мест может охватить восточный ветер? Но он породил бесчисленное множество освежающих стихов» [陈纪, 2024]. Очевидно, здесь имеется в виду ветер перемен, исходя из чего мы понимаем, что задача искусства сродни задаче петуха – возвещать о переменах, соблюдая при этом космический порядок, выражающийся в строгости формы текста.

Заключение

«Куры под одной крышей живут в мире и согласии, а два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике – уж такова их природа» [Леонардо да Винчи, 2023, с. 76]. Художественная природа петуха в пространстве поэтических текстов, русских и китайских, сложна и разнопланова: этот герой предстает в различных, подчас противоречивых ипостасях – мудреца, хранителя, ментора, демона, стража и т. д. В целом символическое значение петуха в русской и китайской поэзии имеет значительный ряд сходств.

Так, в обеих культурах петух выступает в качестве хранителя дома. Его тесно связывают с культом земледелия, с мотивами странничества, отшельничества или, напротив, стагнации. Подобно домовому, он охраняет жилище от хтонических сил и указывает криком дорогу к родному жилищу. И в

русской, и в китайской поэзии петух является воплощением мудрости и реализует дидактическую функцию, направленную на формирование в первую очередь у юного поколения идеалов гуманизма, справедливости, ответственности и добросовестного отношения к труду и обучению. Разница заключается в том, что в китайских стихотворениях акцент делается на развитие трудолюбия и интеллекта, в русской – на неотвратимость наказания за пороки. В русской и в китайской поэзии петух является воплощением храбрости и самоотверженности в бою. Вступая в противостояние с другими героями в пространстве текста, он всегда выходит победителем благодаря не только смекалке и хитрости, но и во многом бесстрашию, готовности к сражению, чувству собственного превосходства. В русских стихотворениях образ петуха восходит к фольклорным традициям, в частности к сказкам, в китайской – к исторически сложившимся формам досуговой деятельности, в частности петушиным боям. Но в том и в другом случае петух представляет собой ипостась воина, встречающего врага только среди себе подобных. Петух в русской и китайской поэзии символизирует обновление, знаменем которого является крик птицы. В русских текстах петух остается беспристрастным в отношении мира людей, поскольку его функция более глобальная – возвещать о начале нового круга жизни

природы и вселенной. В китайских текстах, напротив, петух сопровождает человека на пути к самопознанию и самосовершенствованию. Наконец, в русских и китайских текстах петух выступает в ипостаси Стража метафизического мира. Обитая в космическом пространстве, он, с одной стороны, криком своим доносит до людей волю творца, с другой – наполняет мир светом и надеждой, помогая людям обрести высший смысл существования.

Помимо общих символических коннотаций образа петуха в интересующих нас культурах, ему в русской поэзии присущи особые значения. Петух выполняет функции ментора: он становится и нравственным примером, и помощником, и мудрым, требовательным учителем. Нередко петух выступает в качестве мерила человеческой добродетели, актуализируя идеи гуманизма и храбрости, граничащей с потенциальным самопожертвованием. Подобная семантика отражается как в древнерусских сказках, так и в детской поэзии советского и постсоветского периода, когда формирование идеологии было одной из основных задач художественной литературы. Кроме того, в русской поэзии петух символизирует разрушительную силу огня, аккумулируя в себе демонические силы. Часто подобная семантика связана с фольклорными жанрами – сказкой, сказанием, актуализируя тем самым древние хтонические представления славян

о двуликости петуха и его демонической огненной природе.

Подводя итоги, можно утверждать, что образ петуха в русской и китайской поэзиях, несмотря на географическую и культурную дистанцию, обнаруживает удивительное переплетение смыслов. От хранителя домашнего очага до вестника зари, от воплощения воинской доблести до символа обновления – петух предстает многогранным архетипом, отражающим глубинные представления человека о мире и его устройстве. Петух в поэзии двух великих культур – это не просто птица, а зеркало, отражающее общее и особенное в человеческом восприятии мира. И в этом зеркале мы видим не только отблески древних мифов и ритуалов, но и проекцию надежд и страхов, присущих человечеству во все времена. Петух, как символ, оказывается удивительно пластичным, способным адаптироваться к различным культурным контекстам, сохраняя при

этом свое глубинное значение. Он напоминает нам о том, что, несмотря на все различия в языке, истории и обычаях, люди во всем мире разделяют общие ценности и стремления, которые находят свое выражение в универсальных символах, таких как гордый и звонкий петух, возвещающий наступление нового дня. И этот день, будь то в русской избе или китайском дворе, несет с собой не только свет и тепло, но и вызов, призыв к действию, к борьбе со тьмой и невежеством. Крик петуха – это не просто звук, это метафора пробуждения сознания, осознания своего места в мире и своей роли в его преображении. И, возможно, именно в этой универсальной потребности человека в пробуждении и преображении кроется секрет долговечности и многогранности символического образа петуха в поэзии, объединяющей столь разные, но в то же время удивительно созвучные культуры.

Библиографический список

1. Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1977. 192 с.
2. Баландина И. А. Орнитологические Образы Иосифа Бродского // Уральский Филологический Вестник. 2021. №1. С. 124–132.
3. Бальмонт К. Д. Избранное. Москва: Советская Россия, 1989. 592 с.
4. Барто А. Где живет герой. Москва: Детская литература, 1959. 174 с.
5. Берестов В. Как хорошо уметь читать. Стихи. Москва: Самовар, 2020. 112 с.
6. Блок А. А. Стихотворения. Москва: Эксмо, 2022. 384 с.
7. Болдырева Е. М. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Ч. 1 / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1. С. 36–47.
8. Болдырева Е. М. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Ч. 2 / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №2. С. 8–17.
9. Ван Чжихао Образы змеи и петуха в китайских фразеологизмах // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. 2023. №1. С. 11–13.

10. Вэнь Тинъюнь В горах Шаншань // Поэзия эпохи Тан (VII – X вв.). Москва : Художественная литература, 1987. 480 с.
11. Гиляровский В. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4. Москва : Правда, 1967. 464 с.
12. Гура А. В. Петух // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). Ин-т славяноведения РАН Москва : Международные отношения. 2009. С. 28–35.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в 7 т. Т. 1 Стихотворения. Москва : Наука–Голос, 1995. 671 с.
14. Инь Бинь Особенности зооморфии в русской и китайской лингвокультуре // Филология и лингвистика. 2014. №5. С. 217–221.
15. Леонардо да Винчи. Афоризмы // Фалкирк М. Афоризмы для умных мужчин. Тверь : Мартин, 2023. 192 с.
16. Лицарева А. Ф. Образ Петуха в гаданиях и предсказаниях, связанных с Великой Отечественной войной // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. С. 68–74.
17. Мандельштам О. Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2023. 1182 с.
18. Мифы Китая. Москва : Бомбора, 2024. 256 с.
19. Михайлова Н. Ю. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Н. Ю. Михайлова, Чжао И // Филология. 2016. № 2. С. 168–181.
20. Мошковская Э. Э. Я пою. Москва : Речь, 2017. 96 с.
21. Озод Зеленая тропинка : Стихи и поэмы / Пер. с тадж. Москва : Советский писатель, 1986. 95 с.
22. Сапгир Г. Стихотворения. Москва : Эксмо, 2024. 336 с.
23. Смирнов В. П. «Пел петух...» : О стихотворениях «Петух на церковном кресте» И. А. Бунина и «Петухи поют» А. Заболоцкого // Тарусские страницы XXI век : Литературно-художественный альманах. Таруса : ИД «ГТ», 2013. С. 256–258.
24. Сологуб Ф. К. Книга Полное Собрание Стих. и Поэм. Москва : Наука, 2014. 990 с.
25. Соснора В. А. И повсюду космос. Москва : Азбука, 2024. 416 с.
26. Хармс Д. И. Я гений пламенных речей. Санкт-Петербург : Азбука, 2020. 336 с.
27. Цао Чжи. Петушиный бой // Китайская поэзия URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=3217 (дата обращения: 19.04.2025).
28. 卞欣欣. 《诗经》中动物的信息可视化设计研究[D]苏州大学, 2022: 59.
29. 王安石 《登飞来峰》 URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/wanganshi/595066.html> (дата обращения: 19.04.2025).
30. 颜真卿 《劝学诗》 URL: <https://www.ruiwen.com/> (дата обращения: 19.04.2025).

31. 张继先《鸡》 URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=add471818d42beb831be3d5c10d13d9c> (дата обращения: 19.04.2025).

32. 陈纪《甲辰元日》 URL: <https://www.hancibao.com/shici/s138542179.html> (дата обращения: 19.04.2025).

Reference list

1. Bagrickij Je. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 192 s.

2. Balandina I. A. Ornitologicheskie Obrazy Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's Ornithological Images // Ural'skij Filologičeskij Vestnik. 2021. №1. S. 124–132.

3. Bal'mont K. D. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. 592 s.

4. Barto A. Gde zhivet geroj = Where the hero lives. Moskva : Detskaja literatura, 1959. 174 s.

5. Berestov V. Kak horosho umet' chitat' = It's good to be able to read. Stih. Moskva : Samovar, 2020. 112 s.

6. Blok A. A. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Jeksmo, 2022. 384 s.

7. Boldyreva E. M. Kul'turnaja simbolika obraza vorona v ruskoj i kitajskoj poeziji. Ch. 1 = Cultural symbolism of the raven image in Russian and Chinese poetry. Part 1 / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2023. №1. S. 36–47.

8. Boldyreva E. M. Kul'turnaja simbolika obraza vorona v ruskoj i kitajskoj poeziji. Ch. 2 = Cultural symbolism of the raven image in Russian and Chinese poetry. Part 2 / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2023. № 2. S. 8–17.

9. Van Chzhihao Obrazy zmei i petuha v kitajskih frazeologizmah = Snake and rooster images in Chinese phraseological phrases // Russkij jazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte. 2023. №1. S. 11–13.

10. Vjen' Tin#jun' V gorah Shanshan' = In the Shangshan Mountains // Pojezija jepohi Tan (VII – X vv.). Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 480 s.

11. Giljarovskij V. Sobranie sochinenij v 4-h t. T. 4 = Collected works in 4 vols. V. 4. Moskva : Pravda, 1967. 464 s.

12. Gura A. V. Petuh = Rooster // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvističeskij slovar' v 5-i tomah. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). In-t slavjanovedenija RAN Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija. 2009. S. 28–35.

13. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij v 7 t. T. 1 Stihotvorenija = Complete collection of works in 7 vols. V. 1 Poems. Moskva : Nauka-Golos, 1995. 671 s.

14. In' Bin' Osobennosti zoomorfii v ruskoj i kitajskoj lingvokul'ture = Zoomorphic characteristics in Russian and Chinese linguoculture // Filologija i lingvistika. 2014. №5. S. 217–221.

15. Leonardo da Vinchi. Aforizmy = Aphorisms // Falkirk M. Aforizmy dlja umnyh mužhchin. Tver' : Martin, 2023. 192 s.

16. Licareva A. F. Obraz Petuha v gadanijah i predskazanijah, svjazannyh s Velikoj Otechestvennoj vojnoj = The image of the Rooster in fortune-telling and predictions related to the Great Patriotic War // Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke: Kollektivnaja monografija. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. S. 68–74.

17. Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome = A complete collection of poetry and prose in one volume. Moskva : Al'fa-kniga, 2023. 1182 s.
18. Mify Kitaja = Chinese myths. Moskva : Bombora, 2024. 256 s.
19. Mihajlova N. Ju. Kul'turnye konnotacii zoonimov v russkoj i kitajskoj frazeologii = Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology / N. Ju. Mihajlova, Chzhao I // Filologija. 2016. №2. S. 168–181.
20. Moshkovskaja Je. Je. Ja poju = I am singing. Moskva : Rech', 2017. 96 s.
21. Ozod Zelenaja tropinka: Stih i pojemy = The Green Path: Verses and poems / Per. s tadzh. Moskva : Sovetskij pisatel', 1986. 95 s.
22. Sapgir G. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Jeksmo, 2024. 336 s.
23. Smirnov V. P. «Pel petuh...» : O stihotvorenijah «Petuh na cerkovnom kreste» I. A. Bunina i «Petuhi pojut» A. Zabolockogo = “The Rooster Sang...” On the poems The Rooster on the Church Cross by I. A. Bunin and Roosters Singing by A. Zabolotsky // Tarusskie stranicy XXI vek : Literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Tarusa : ID «TT», 2013. S. 256–258.
24. Sologub F. K. Kniga Polnoe Sobranie Stih. i Pojem. = The Book of the Complete Collection of Verses and Poems. Moskva : Nauka, 2014. 990 s.
25. Sosnora V. A. I povsjudu kosmos = And space is everywhere. Moskva : Azbuka, 2024. 416 s.
26. Harms D. I. Ja genij plamennyh rechej = I am a genius of flaming speeches. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2020. 336 s.
27. Cao Chzhi. Petushinyj boj = Rooster fight // Kitajskaja poezija URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=3217 (data obrashhenija: 19.04.2025).
28. 卞欣欣. 《诗经》中动物的信息可视化设计研究[D]苏州大学, 2022: 59.
29. 王安石 《登飞来峰》 URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/wanganshi/595066.html> (data obrashhenija: 19.04.2025).
30. 颜真卿 《劝学诗》 URL: <https://www.ruiwen.com/> (data obrashhenija: 19.04.2025).
31. 张继先 《鸡》 URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=add471818d42beb831be3d5c10d13d9c> (data obrashhenija: 19.04.2025).
32. 陈纪 《甲辰元日》 URL: <https://www.hancibao.com/shici/s138542179.html> (data obrashhenija: 19.04.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025